

Этический контекст как исторически значимый фактор эффективности риск-менеджмента

Л.А. Саченко¹¹ ООО «Риск-профиль» (Москва, Россия)

Аннотация

Целью настоящего исследования является поиск путей повышения эффективности риск-менеджмента, позволяющих нивелировать разрыв между возрастающими потребностями организаций и их текущими возможностями на основании изучения опыта прошедших цивилизационных кризисов. Для этого на примере анализа переломных моментов истории: верхнепалеолитической революции, революции осевого времени и промышленной революции – с использованием разработанной автором на основе гипотезы техно-гуманитарного баланса модели минимально необходимой общественной устойчивости были выделены основные этические факторы, способствовавшие успеху пройденных бифуркационных переходов. Предполагая современное положение общества в преддверии очередного бифуркационного перехода, автор проводит сравнительный анализ этических факторов, сделавших возможными прошлые успехи, с текущей практикой управления риском в организациях. В качестве приоритетных для внедрения в практике риск-менеджмента из выделенных факторов признаны: кооперация ввиду общих целей, установление и соблюдение единых правил при достижении общих целей, создание благоприятной среды для направленного использования творческого потенциала человека. В результате предложена схема дополнения текущей практики управления риском путем включения верхнеуровневых этических факторов, содействующих рациональному целеполаганию, а также задействования творческих способностей и усилий заинтересованных лиц на нижнем уровне при ситуационном реагировании. Предложенная схема может содействовать усилению эффекта риск-менеджмента как для самих организаций, так и косвенно – для всего общества.

Ключевые слова: цивилизационные кризисы, управление риском, этические факторы.

Для цитирования:

Саченко Л.А. (2024). Этический контекст как исторически значимый фактор эффективности риск-менеджмента. *Стратегические решения и риск-менеджмент*, 15(1): 66–75. DOI: 10.17747/2618-947X-2024-1-66-75.

The ethical context as a historically significant factor of risk management efficiency

L.A. Sachenko¹¹ 'Risk-profile' LLC (Moscow, Russia)

Abstract

The purpose of this study is to identify ways to improve the effectiveness of risk management, thereby bridging the gap between the increasing needs of organisations and their current capabilities based on the study of past civilisational crises. To solve this task the main ethical factors that contributed to the success of bifurcation transitions in the past were identified through the analysis of turning points in history: the Upper Paleolithic Revolution, the Axial Age Revolution and the Industrial Revolution, using the model of minimum necessary social stability developed by the author based on the hypothesis of techno-humanitarian balance. Starting from the current position of the society on the eve of the next bifurcation transition, a comparative analysis of the ethical factors that made past successes possible with the current practice of risk management in organisations was carried out. The following factors were highlighted as priorities for the implementation in risk management practice: working together to achieve common goals, establishing and adhering to uniform rules for achieving common goals, and creating a favourable environment for the targeted use of human creative potential. As a result, a scheme has been proposed to complement current risk management practices by incorporating higher level ethical factors that promote rational goal setting, as well as involving the creative skills and efforts of lower level stakeholders in situational response. The proposed scheme can help to strengthen the impact of risk management, both for the organisations themselves and, indirectly, for society.

Keywords: civilisational crises, risk management, ethical factors.

For citation:

Sachenko L.A. (2024). The ethical context as a historically significant factor of risk management efficiency. *Strategic Decisions and Risk Management*, 15(1): 66–75. DOI: 10.17747/2618-947X-2024-1-66-75. (In Russ.)

伦理背景作为风险管理有效性的历史重要因素

L.A. Sachenko¹¹ Risk-profile 有限公司 (莫斯科, 俄罗斯)

简介

本研究的目的是寻找提高风险管理效率的方法, 以缩小组织日益增长的需求与其当前能力之间的差距, 基于对历史文明危机经验的研究。为此, 通过分析历史上的关键转折点: 上旧石器时代革命、轴心时代革命和工业革命, 作者使用基于技术-人文平衡假说开发的最低必要社会稳定性模型, 确定了成功度过这些分叉过渡的主要伦理因素。假设当代社会正处于另一个分叉过渡的前夕, 作者对促成过去成功的伦理因素与当前组织风险管理实践进行了比较分析。在风险管理实践中, 优先考虑的因素包括: 由于共同目标而进行的合作、在实现共同目标过程中制定和遵守统一规则、以及创造有利环境以有针对性地利用人的创造潜力。因此, 提出了一种补充当前风险管理实践的方案, 包括引入高层次的伦理因素以促进合理的目标设定, 并在情境响应中利用利益相关者的创造能力和努力。所提出的方案可以增强风险管理的效果, 不仅对组织本身有利, 还能间接惠及整个社会。

关键词: 文明危机、风险管理、伦理因素。

引用文本:

Sachenko L.A. (2024)。伦理背景作为风险管理有效性的历史重要因素。战略决策和风险管理, 15(1): 66–75。DOI: 10.17747/2618-947X-2024-1-66-75。(俄文)

Введение

В периоды нестабильности жизнедеятельность человека подвержена воздействию мощного потока слабо предсказуемых изменений. Вследствие этого возрастает интерес исследователей к изучению опыта прошлых цивилизационных кризисов. Выделение факторов, обеспечивших выживание и развитие отдельных индивидуумов или целых государств в контексте универсальной истории¹, позволяет точнее определить текущие позиции общества и, возможно, предложить более эффективные пути развития.

Подобного рода исторический анализ может быть выполнен и с точки зрения развития риск-менеджмента организаций. Действительно, настоящий момент в деятельности по управлению риском можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, наблюдается достаточно высокая зрелость применяемых технологий управления риском. С другой стороны, вся совокупность используемых методов не обеспечивает организациям достаточной степени априорной готовности к реагированию на наиболее тяжелые и деструктивные события. Возможно, существует некоторая проактивная стратегия, которая позволит реализовывать управление рисками на более ранних стадиях их зарождения? Какие векторы развития могут быть выделены для практики по управлению риском в качестве приоритетных и могут ли быть таковые в принципе найдены, сегодня не очевидно.

Целью настоящего исследования является поиск путей повышения эффективности риск-менеджмента, позволяющих нивелировать разрыв между возрастающими потребностями организаций и их текущими возможностями, на основании изучения опыта прошедших цивилизационных кризисов.

В первой части статьи проанализированы междисциплинарные подходы к исследованию прошлых цивилизационных кризисов на основе имеющихся данных по универсальной истории. Выделены примеры исследований, выполненные с точки зрения методов управления риском, а также работы философов, психологов, математиков, рассматривающие риски в динамике и совокупности исторических обстоятельств: от климатических до социальных. Из этого исходного материала выделяются направления, наиболее соответствующие,

по мнению автора, текущим задачам развития деятельности по управлению риском.

Во втором разделе на основе гипотезы техно-гуманитарного баланса [Назаретян, 2001] автором предложена модель роста минимально необходимой степени устойчивости общества в зависимости от уровня его технологического развития. На основе предложенной модели проведено определение текущего положения общества.

Третий раздел посвящен анализу и выделению основных факторов успеха в преодолении цивилизационных кризисов прошлого.

Выводы касаются возможных вариантов развития риск-менеджмента в организациях на основе выявленных этических факторов.

1. Общие и специальные исследования цивилизационных кризисов прошлого как источник поиска новых направлений риск-менеджмента

Если человечество до сих пор существует, значит, оно умеет преодолевать кризисы либо умело это делать в нужные моменты времени. За счет чего стало возможным выживание и дальнейшее развитие людей в критических условиях прошлого? Представители разных областей знания используют различные подходы к исследованию этого вопроса.

Одним из наиболее полных примеров междисциплинарной систематизации знаний по опыту преодоления человеком цивилизационных кризисов является книга [Назаретян, 2001]. Автор выделяет шесть антропогенных кризисов, которые «завершились прорывом в новые культурные эпохи»:

- 1) палеолитическая революция (0,7–1,2 млн лет назад);
- 2) верхнепалеолитическая революция, или культурная революция кроманьонцев (30–35 тыс. лет назад);
- 3) неолитическая революция (X–VIII тысячелетия до н.э.);
- 4) городская революция (V–III тысячелетия до н.э.);
- 5) революция осевого времени (середина I тысячелетия до н.э.);
- 6) промышленная революция (XVIII–XIX века).

¹ Для целей настоящей статьи под универсальной историей понимается область междисциплинарных исторических исследований, учитывающих взаимообусловленность развития общества, живой и неживой природы.

Характерными признаками приведенных событий являются также обширный регион охвата и, как правило, сопутствующие климатические изменения. В работе [Назаретян, 2001] проведен анализ преодоления выделенных кризисов, который привел к довольно неожиданному выводу. Несмотря на то что совокупность методов преодоления различалась от случая к случаю, в результате очередного кризиса общество выходило на кардинально новую ступень развития, и это неизменно сопровождалось ростом по трем основным направлениям, которые автор определяет как «векторы эволюции», или «векторы последовательных глобальных изменений»:

- 1) рост технологической мощи;
- 2) демографический рост;
- 3) рост организационной сложности.

Помимо этих объективно наблюдаемых посткризисных приращений, автор формулирует гипотезу о существовании еще двух эволюционных векторов, которую на текущий момент невозможно ни однозначно принять, ни однозначно опровергнуть:

- 4) интеллектуальная способность и когнитивная сложность;
- 5) гипотеза техно-гуманитарного баланса.

Поскольку четвертый пункт, хотя и может быть оспорен, довольно понятен интуитивно, остановимся более подробно на описании последнего пятого вектора цивилизационного развития – гипотезе техно-гуманитарного баланса. В общем виде она формулируется следующим образом: «Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [Назаретян, 2001]. Иллюстрирует этот закон приведенная в книге оценка, выполненная на основе этнографических данных: «С прогрессирующим ростом убойной силы оружия и плотности проживания людей процент военных жертв от общей численности населения на протяжении тысячелетий не возрастал. Судя по всему, он даже медленно и неустойчиво сокращался, колеблясь между 4 и 1% за столетие».

Бифуркационный характер антропогенеза отмечает Н.Н. Моисеев в своей книге «Человек и ноосфера» [Моисеев, 1990]. Он рассматривает палеолитическую революцию, а также культурную революцию кроманьонцев по следующей схеме: «биологическая эволюция – бифуркация – общественное развитие». Автор отмечает, что переход от австралопитека к *Homo Sapiens* произошел – в масштабах эволюции – «в одно мгновение». По его мнению, такой результат мог быть достигнут благодаря процессу самоорганизации при условии потенциальной изменчивости организмов неантропов и чрезвычайно жестких условиях борьбы за выживание. Как и в книге [Назаретян, 2001], отдельно выделена значимость принципа «Не убий!», который «занимает совершенно исключительное место в становлении человеческого общества». Размышления о возможных предпосылках к бифуркационной устойчивости ранних человеческих сообществ приводят автора к выводу о том, что «не интеллект сам по себе, а вся организация общественной жизни, способная проявить его возможности, оказалась сферой действия отбора».

Анализ глобальных катастроф прошлых эпох с недавних пор интересует не только историков, философов, математиков и физиков, но и исследователей в области риск-менеджмента. Например, работа [Linkov et al., 2024] анализирует крах высокоразвитой цивилизации средиземноморских государств позднего бронзового века, произошедший в период примерно с 1200 до 1100 года до н.э. Методом моделирования торговых и социально-политических сетей между государствами авторы выявили возможные причины, приводящие к каскадным сбоям в сети. Также ими были предложены способы сетевой организации, более устойчивые к возмущениям. В книге [Linkov, Trump, 2019], посвященной методологиям организационной устойчивости, одна из глав анализирует комплекс мер по противодействию эпидемии бубонной чумы в Венеции в период 1575–1577 годов. Статья [Dibble, Finné, 2021] рассматривает увеличение разнородности способов производства продуктов питания в южной Греции в конце бронзового века и начале железного как адаптивную реакцию на изменение климата в виде снижения количества осадков. Анализ примеров реагирования сразу на несколько исторических кризисов лег в основу выводов, сделанных в работе [Haldon et al., 2020]. В частности, рассматриваются способы реагирования на эпидемии чумы 500-х годов в Западной Римской империи и в Англии в 1346–1352 годах. Также рассмотрены примеры реагирования на изменения климата и природные катаклизмы в Антиохии, Римской и Османской империях. Основные выводы заключаются в том, что чем сильнее расслоение общества, тем меньше эффективность его реакции. Население, как правило, реагирует ситуационно, не представляя всего масштаба события и не имея достаточно ресурсов. В то же время элиты, имея более глубокое понимание масштаба и перспектив развития событий, реагируют чаще всего в своих личных интересах за счет интересов менее социально защищенных слоев населения. В конечном итоге такая тактика приводит к серьезным негативным последствиям для всего общества.

Еще одна группа исследований опыта предыдущих катастроф основана на выявлении основных факторов их возникновения. Так, в статье [Kaniewski et al., 2020] на основе данных по реконструкции температуры и осадков Восточного Средиземноморья за последние 6000 лет выявлено, что серьезные социальные изменения и вспышки чумы происходили в относительно более прохладные климатические периоды в сочетании с изменениями характера осадков, причем влияние засух выражено сильнее температурного влияния. Похожее исследование [Holdaway, 2023], выполненное на основе данных по ледниковым отложениям в Гренландии, также показывает серьезное влияние количества осадков на благополучие жизнедеятельности людей в Европе и Восточном Средиземноморье. Причем, в отличие от результатов предыдущего исследования [Kaniewski et al., 2020], эффект на одно климатическое изменение мог быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от региона. Еще одна подобная работа [Zhang et al., 2020] посвящена выявлению взаимосвязи между климатическими изменениями и процессом возникновения войн и восстаний в императорском Китае (1–1911 года). Выяв-

лено, что территория военных действий смещалась к югу при похолодании и в обратном направлении – при потеплении и увеличении количества осадков. В то же время интенсивность восстаний снижалась в холодные и засушливые периоды и росла в относительно более теплые и влажные периоды.

Помимо климата, не менее значимым фактором развития катастрофических событий является человеческий фактор, а именно влияние индивидуальных и коллективных ошибок человека на возникновение и тяжесть последствий антропогенных катастроф. Например, в книге [Мун, Попета, 2022] на примере значительного количества известных техногенных катастроф проводится анализ предшествующих этим событиям ошибочных действий и бездействий причастных лиц.

Таким образом, при сопоставлении группы специальных исследований в области риск-менеджмента с междисциплинарными исследованиями цивилизационных кризисов наблюдается существенная разница подходов. Подавляющее большинство работ риск-менеджеров имеет узкую направленность на изучение эффективности применения современных методов управления риском в прошлом либо на выявление зависимостей и последствий от воздействия различных факторов. При несомненной пользе подобных исследований очевидно, что метод ретроспективного анализа с позиций текущих подходов непригоден для решения задачи по поиску новых направлений развития риск-менеджмента.

В то же время исследования, имеющие обобщающий характер, хотя и не затрагивают глубоко инструментарий управления риском, позволяют определить главные факторы и движущие силы, необходимые для успешного прохождения человеком кризисных периодов.

Особый интерес представляют те исторические исследования риск-менеджмента, которые выявляют противоречия и выходят за рамки, предлагаемые современными стандартами и методами. Так, работа [Haldon et al., 2020] ставит задачу нового уровня – организацию взаимовыгодного взаимодействия разнородных групп населения. Книга [Мун, Попета, 2022] уделяет основное внимание человеческому фактору как основной движущей силе успешного либо неудачного опыта управления риском. Сравнивая эти результаты с основными выводами междисциплинарных работ [Назаретян, 2001] и особенно [Моисеев, 1990], можно предположить, что именно в области индивидуальных и коллективных качеств человека скрыт огромный потенциал по адаптации и развитию в периоды кризисов. Следовательно, смещение фокуса риск-менеджмента с технологических моделей и прогнозов в область развития индивидуальных качеств и организации человеческих отношений в поле возрастающей рискованности напряженности может оказаться тем недостающим элементом, который существенно повысит эффективность деятельности по управлению риском.

Поэтому следующие разделы настоящей статьи посвящены вопросам приближения теоретического предположения о важности раскрытия потенциала и способностей к самоорганизации человека в кризисные периоды к решению прикладных задач управления риском.

2. Модель роста минимально необходимой общественной устойчивости на основе концепции техно-гуманитарного баланса

Для решения практических задач гипотезе о необходимости создания благоприятной среды для развития адаптивного потенциала человека необходимо придать более конкретные очертания. С этой целью была разработана модель роста минимально необходимой общественной устойчивости на основе гипотезы техно-гуманитарного баланса, предложенной в книге [Назаретян, 2001].

А.П. Назаретян предлагает формализовать закон техно-гуманитарного баланса следующим образом:

$$S_i = \frac{f_i(R)}{h_i(T)}, T > 0, \quad (1)$$

где S_i – внутренняя устойчивость социальной системы, i – internal, R – качество регуляторных механизмов культуры, T – технологический потенциал.

При этом Назаретян предполагает существование и внешней устойчивости социальной системы S_e , которая, по его мнению, должна быть положительной функцией технологического потенциала:

$$S_e = g(T, \dots), \quad (2)$$

где e – external.

Приведенные выражения (1) и (2) выражают мысль о том, что «растущий технологический потенциал делает социальную систему менее зависимой от состояний и колебаний внешней среды, но вместе с тем более чувствительной к состояниям массового и индивидуального сознания» [Назаретян, 2001].

Автор настоящей работы позволит себе не согласиться с утверждением о том, что рост технологического потенциала делает социальную систему менее зависимой от колебаний внешней среды. В настоящее время технологический рост и сам является одним из значимых источников климатических изменений и усиления природных катаклизмов. Следовательно, при значениях T , близких к предельным при данном уровне устойчивости, прямая зависимость (2) может не соблюдаться и даже быть обратной.

Кроме того, логично предположить, что только при одновременном достижении минимально необходимых значений как внутренней, так и внешней устойчивости возможно достижение полной устойчивости общества S к внешним и внутренним воздействиям. Тогда это пересечение множеств можно выразить произведением типа:

$$S = S_i \times S_e. \quad (3)$$

Опираясь на совокупность приведенных выше предположений, а также понимая, что истинный вид функции минимально необходимой общественной устойчивости на сегодняшний момент получить невозможно, примем для рабочих задач настоящей статьи следующее упрощенное предположение о виде закона техно-гуманитарного баланса:

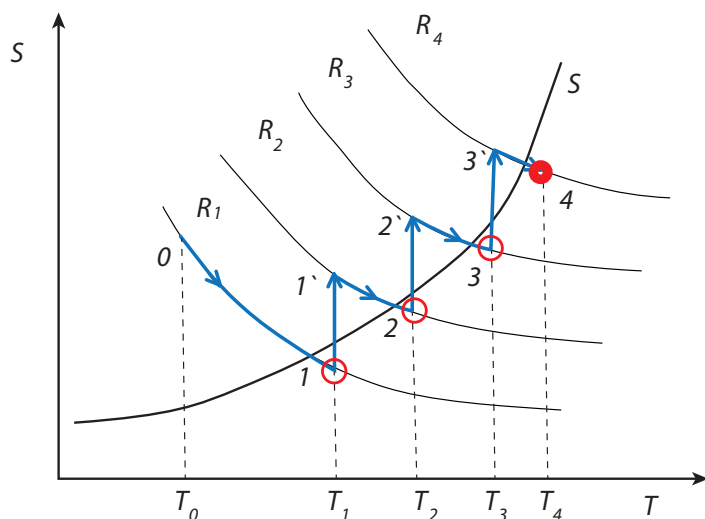
$$S \sim \frac{R}{T}, \quad (4)$$

где S – полная общественная устойчивость к внешним и внутренним воздействиям.

Предположим также, что по мере технологического развития общества минимальный уровень полной устойчиво-

сти $S_{\min}$, необходимый для поддержания стабильной жизнедеятельности, повышается. Тогда траектория общественного развития может быть схематически представлена в виде итерационного процесса (синяя траектория 0–1–1'–2–2'–3–3'–4) (рис. 1).

Рис. 1. Модель итерационного процесса по достижению уровня минимально необходимой общественной устойчивости $S_{\min}$
Fig. 1. An iterative process model for achieving the minimum level of necessary social sustainability $S_{\min}$

Примечание. S – общественная устойчивость; T – уровень технологического развития; $S_{\min}$ – минимально необходимый уровень общественной устойчивости; R_1 – R_4 – линии постоянного уровня культурных регуляторных механизмов, при этом $R_4 > R_3 > R_2 > R_1$; T_0 – T_4 – уровни технологического развития в моменты бифуркационного культурного развития общества, $T_4 > T_3 > T_2 > T_1 > T_0$; T_4 – положение на текущий момент.

Получившаяся итерационная траектория общественного развития 0–4 (рис. 1) соответствует картине, реально наблюдаемой в истории цивилизационных кризисов. Действительно, начав из произвольной точки T_0 , общество увеличивает свой технологический уровень, сохраняя культурную регуляцию на постоянном уровне R_1 . В определенный момент наступает предел экстенсивного развития технологий T_1 , после пересечения с кривой минимально необходимой устойчивости $S_{\min}$ общество начинает испытывать различного рода потрясения, острую нехватку основных ресурсов, ряд сопутствующих проблем, под вопросом само дальнейшее существование. Критическое отклонение от состояния равновесия и последующий переход можно назвать моментом бифуркации. Вертикальная линия 1–1' на рис. 1 обозначает бифуркационный переход, который, по меркам эволюции, может происходить практически одномоментно [Моисеев, 1990]. Выйдя на новый культурный уровень R_2 , общество технологически развивается до пересечения с линией минимальной устойчивости и дальше до следующей бифуркации в точке T_2 . И так далее.

Про исход бифуркационного процесса можно однозначно сказать только то, что он непредсказуем. Есть ли способы, повышающие вероятность благоприятного исхода? За счет

чего достигался успех прошлых цивилизационных переходов? Для ответа на эти вопросы попробуем в следующем разделе систематизировать информацию в рамках представленной на рис. 1 модели на примере трех известных цивилизационных кризисов: культурной революции кроманьонцев, революции осевого времени и промышленной революции.

3. Уроки цивилизационных кризисов и анализ текущей ситуации с точки зрения модели роста минимально необходимой общественной устойчивости

Предположим, что при «технологическом» развитии на уровне огня и рубила T_1 (рис. 1) происходит культурная революция кроманьонцев (30–35 тыс. лет назад), когда они практически полностью вытеснили неандертальцев. Исходное положение в точке T_0 не предвещало такого исхода. Действительно, неандертальцы были гораздо мощнее физически, а также интеллектуально превосходили своих конкурентов, их мозг был большего объема. Что могло привести к их полному исчезновению? По одной из версий [Roebroeks et al., 2021], они использовали огонь не только для обогрева жилищ и приготовления пищи, но и для выжигания растительности. Этот «передовой» способ охоты позволял практически без риска получать термически обработанную пищу, кроме того, можно было целенаправленно выгонять добычу в нужном направлении. Однако это же привело к катастрофическому снижению биоразнообразия и, как следствие, вымиранию неандертальских племен. В то же самое время кроманьонские племена использовали свое основное преимущество в виде эффективной организации общины [Gilpin et al., 2016]. Хотя они и были менее развиты физически, более развитая речь и запрет на убийство своих соплеменников привели к развитию кооперативных способностей и возможности разделения труда. Те члены общины, которые не могли участвовать в охоте, могли взять на себя вспомогательные функции, например сохранение знаний, лечение, изготовление орудий труда: резца, копьеметалки, приспособлений для ловли рыбы и, возможно, даже лука. Так или иначе, в результате популяция кроманьонцев полностью вытеснила неандертальцев. Форма отбора, при которой «стадо с лучше отработанными кооперативными отношениями, обеспечивавшими большее разнообразие индивидуальных качеств, получало преимущество в конкуренции» (цит. по [Назаретян, 2001]), обеспечила скачок 1–1' на новый культурный уровень R_2 (рис. 1). Кроманьонцы выиграли потому, что поставили интересы общины выше личных интересов.

Следующей поворотной вехой в культурном развитии человека стала революция осевого времени (середина I тысячелетия до н.э.). Эти события предвещали катастрофой бронзового века, когда пало сразу несколько могущественных государств на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Дорогое и тяжелое бронзовое оружие было вытеснено относительно более легким и дешевым стальным. Вследствие этого численность армий и кровопролитность сражений резко возросла. «Это при сохранении прежних ценностей и норм грозило крахом наиболее развитых обществ»

[Назаретян, 2001]. Для выживания общества при неуправляемом росте насилия требовались средства культурной регуляции более высокого уровня. Этот момент иллюстрирует точка 2 при уровне «железной» технологии T_2 (рис. 1).

Культурный ответ выразился в практически одновременном зарождении основных мировых религий. Как писал К. Ясперс [Ясперс, 1991], в Китае в это время жили Конфуций и Лао-цзы, в Индии – Будда, в Иране – Заратустра, в Палестине – пророки Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя, в Греции это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. «Новое, возникшее в эту эпоху... сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы» [Ясперс, 1991]. Человек перестает руководствоваться только интересами рода, он ищет нравственную опору в себе, «он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой» [Ясперс, 1991]. Формируется совесть как инструмент самоконтроля.

Таким образом, переход 2–2' на новый культурный уровень R_3 в точке T_2 (рис. 1) сопровождался массовым переносом «центра этического развития» с интересов рода на отдельного человека. При этом можно выделить два основных направления развития личности – творческое начало и самоконтроль. В результате произошедшего культурного прорыва К. Ясперс выделяет так называемые осевые народы, которые совершили скачок и продолжили свою культурную историю. К этим народам он относит китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков. Те же народы, которые не знали прорыва (Египет и Вавилон), утратили свое культурное влияние в мире.

В середине II тысячелетия н.э. вновь остро проявилась совокупность предпосылок для очередного эволюционного скачка (точка 3 в апогее экстенсивных аграрных технологий T_3 на рис. 1). Длительный период аномального похолодания (так называемый малый ледниковый период XIV–XIX веков) сопровождался демографическим ростом и деградацией природных ландшафтов: сокращением площади лесов, загрязнением рек. Эпидемии чумы и кровопролитные сражения также свидетельствовали о превышении пределов общественной устойчивости и необходимости перемен.

Выходом из этого тупика стала промышленная революция XVIII–XIX веков, когда произошел массовый переход от ручного труда к машинному, что в дальнейшем привело к индустриализации и кратному росту производительности труда. Трансформация аграрного общества в индустриальное способствовала экономическому росту и повышению уровня жизни населения.

Этическим контекстом, сделавшим возможными такие изменения, можно назвать законодательное закрепление прав и свобод личности, которые были осознаны еще в осевое время и развиты в эпоху Ренессанса и далее. Речь идет о ликвидации рабства и освобождении крестьян. Потребовалось более двух тысяч лет, чтобы представление о том, что каждый человек – творческое свободное существо, созрело и хоть как-то отразилось в государственном устройстве. И это дало свои плоды. Локомотивом промышленной революции была Великобритания: там, помимо накопления ресурсов из захваченных колоний, немаловажную роль

в успехе сыграла новая форма общественного договора и свободное перемещение рабочей силы.

Годы, предшествовавшие промышленной революции, также были весьма плодотворны с точки зрения развития философии и культуры. Именно к этому периоду можно отнести ранние эволюционные представления Ф. Бэкона, Р. Декарта и П. Ферма. В обществе возросла значимость образования, квалификации, индивидуального развития. Программными для общей характеристики направления развития человека того периода можно назвать слова Декарта, который предлагал использовать силы природы «во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы» [Декарт, 2022].

Соответственно, культурный переход 3–3' в точке T_3 на уровень R_4 можно назвать логическим завершением перехода 2–2', основной движущей силой которого была «доминанта снизу», то есть развитие индивидуальных качеств и свобод человека. При этом, конечно, сохранялась значимость рода и государства в качестве культурных ограничителей «сверху», но все же тот вектор развития, который так ярко выразил Декарт, может быть выделен как основной.

Таким образом, из трех рассмотренных бифуркационных культурных переходов в точках T_1 , T_2 , T_3 первый был более продиктован внешними обстоятельствами, а второй и третий – более потребностью внутреннего развития человека.

Предполагая положение современного общества вблизи предела экстенсивного развития промышленных технологий и в преддверии перехода к информационным T_4 в точке 4 на рис. 1, то есть накануне бифуркационного культурного и технологического скачка, попробуем проанализировать необходимые направления развития и понять, какие факторы могут увеличить вероятность благоприятного исхода.

Во-первых, сегодня очевиден приоритет внешних обстоятельств, он диктует необходимость кооперации между государствами в глобальном масштабе. К.Э. Циолковский писал: «Объединение должно быть, ибо этого требуют выгоды существ. Если они зрелы, то разумны, а если разумны, то не станут сами себе делать зла» [Циолковский, 2001]. Однако реально наблюдаемая картина, как обычно, далека от идеала. Если в верхнем палеолите под давлением внешних условий неандертальцы погибли, но кроманьонцы все-таки объединились и выжили, то сегодня вопрос выживания стоит перед всем населением планеты, без разделения на государства и нации. Из исследований по экономике ресурсов общего пользования известно, что принципиальными моментами для успеха в этой области являются: общее понимание ценности ресурса, неизбежность принятия общих правил и отсутствие дискриминации [Олсон, 1995; Ostrom, 2015]. Очевидно, что путь к этой далекой цели еще впереди. Кроманьонцы смогли его пройти за короткий срок на уровне отдельных индивидуумов, сможем ли мы решить тот же самый этический вопрос, только уже на уровне государств?

Во-вторых, «декартов» человек так разогнался в признании своих свобод и значимости, что перешел границы устойчивости. Сегодняшний человек по инерции обладает высоким запросом относительно уровня жизни. В то же время он практически полностью дезориентирован относительно влияния личного выбора на общий результат. Условно гово-

ря, когда цели четко не поставлены, риски не оценены, не понятно, есть ли смысл отдельному домохозяйству сортировать мусор или достаточно это делать только одному соседу, а другим можно уже не напрягаться? Естественно, что речь не только о мусоре, но и о моральном выборе при пользовании всей совокупностью благ и свобод. Следовательно, вторая по значимости задача после самоорганизации государств – декомпозиция глобальных целей и задач до норм закона и самоощущения в виде внутренних ограничений каждого отдельного человека.

И в-третьих – по порядку, но не по значимости: поскольку предстоит решение бифуркационной задачи из разряда невозможных, необходимо полноценное использование творческого потенциала и деловых способностей человека. Одной этики закона для совершения коллективного нравственного скачка недостаточно. Действительно, как писал Н.А. Бердяев, «этика закона разом и в высшей степени человечна, приспособлена к человеческим нуждам и потребностям, к человеческому уровню, и в высшей степени бесчеловечна, беспощадна к человеческой личности, к ее индивидуальной судьбе и к ее интимной жизни... Закон не только не интересуется жизнью личности, но и не дает ей сил для осуществления того добра, которого он от нее требует» [Бердяев, 2019]. Идея влияния индивидуальных усилий на общий результат близка и Пригожину: «Мы живем в эпоху флуктуаций, когда индивидуальное действие остается существенным» [Пригожин, 2000]. Следовательно, задача создания благоприятных условий для реализации индивидуального творческого потенциала человека также входит в число решающих факторов успеха при переходе на новый уровень развития цивилизации.

4. Предложения для решения практических задач современного риск-менеджмента

Что можно почерпнуть практически полезного для риск-менеджмента организаций по итогам выполненного исторического анализа? Проведем сопоставление текущей практики по основному стандарту менеджмента риска ГОСТ Р ИСО 31000–2019² с тремя приоритетными глобальными этическими задачами, выделенными в конце предыдущего раздела в качестве факторов успеха предстоящего цивилизационного перехода.

Прежде всего необходимо отметить специфику настоящего момента. По всей видимости, доминанта по приближению к планетарным границам устойчивости в ближайшие годы будет оказывать сильное влияние на деятельность всего человеческого сообщества в глобальном масштабе. Очевидно, что цели организаций как значимых участников экономической деятельности не могут противоречить задачам общества. На текущий момент основным стандартом управления риском ИСО 31000:2019 постулируется лишь то, что целью менеджмента риска является создание и защита стоимости

(ценности) организации. «Менеджмент риска повышает производительность, поощряет инновации и поддерживает достижение целей»³. При этом «цели могут быть различными по содержанию». Таким образом, произвольный выбор целей никак не ориентирует компании в области процессов, происходящих на глобальном уровне, в то время как роль внешних рисков в ближайшее время будет только возрастать. Лучшие практики учитывают при стратегическом планировании цели в области устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ЦУР ООН), но весьма избирательно и несистемно. Учитывая тот факт, что сами ЦУР не имеют между собой четких логических взаимосвязей и не могут быть корректно декомпозированы, их достижение видится весьма проблематичным. Поскольку целеполагание является основанием для всей дальнейшей деятельности по управлению риском, развитие этого компонента риск-менеджмента с учетом глобальной этической задачи может стать для организаций основным приоритетом.

Следующая выделенная глобальная задача: по декомпозиции целей, заданию жестких рамок поведения персонала с учетом рисков, внедрению соответствующих процедур управления риском на всех уровнях организации – представляет собой рутинную задачу современного риск-менеджмента. Можно говорить о разной степени зрелости в различных компаниях, но именно эти задачи составляют основной объем работы в рамках менеджмента риска. Стандарт ИСО 31000:2019 вменяет руководителям довести до сведения соответствующих лиц в организации, «что менеджмент риска является одной из основополагающих обязанностей», а также определять полномочия, обязанности и ответственность за соответствующие роли в отношении менеджмента риска. Очевидно, что такие требования полностью соответствуют и следуют логике этики закона.

Что же касается решения третьей глобальной этической задачи: использования творческого потенциала человека, – то на сегодня этот бесценный ресурс в управлении риском практически не задействован. ГОСТ Р ИСО 31000–2019 лишь констатирует, что «поведение и культура человека существенно влияют на все аспекты менеджмента риска на каждом уровне и этапе». Персональная этика и поведенческая модель упоминаются в руководстве международного Института риск-менеджмента⁴, но сделано это в контексте выявления нежелательных моделей поведения и чрезмерной склонности к риску. И только отдельные работы, посвященные развитию нового направления в менеджменте риска – жизнестойкости⁵ [Park et al., 2013; Reid, Rout, 2020], выделяют, что в задачах реагирования на инциденты важную роль играет «инициатива снизу». Однако если такая ситуативная реакция недостаточно подготовлена и направляема, то ее эффективность довольно невысока, как уже упоминалось в работе [Haldon et al., 2020]. В то же время четко направленная, в достаточной мере обеспеченная ресурсами и мотивируемая инициатива может существенно повысить «подвижность» и эффективность деятельности по управлению риском.

² ГОСТ Р ИСО 31000–2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство. М., Стандартинформ, 2020.

³ Там же.

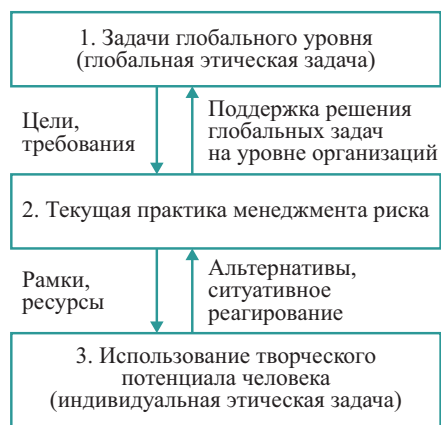
⁴ Risk culture. Under the Microscope. Guidance for Boards. The Institute of Risk Management, 2012.

⁵ Resilience; в русском переводе встречается еще как «устойчивость» и «адаптивность».

Таким образом, если проводить параллель с цивилизационными кризисами и этическими факторами, повлиявшими на их успешное преодоление в прошлом, в современном организационном риск-менеджменте работает только один из трех выявленных факторов, а именно отвечающий за этику закона. На рис. 2. за этот фактор отвечает блок 2.

Рис. 2. Схема организационного менеджмента риска в этическом контексте

Fig.1. The organisational risk management system in an ethical context

Дополнение текущей практики риск-менеджмента элементами, учитывающими этический контекст как глобального уровня (рис. 2, блок 1), так и уровня отдельных заинтересованных лиц (рис. 2, блок 3), может существенно повысить эффективность всей деятельности по управлению

риском в организациях. Так, учет при целеполагании глобальных процессов ориентирует организацию в поле внешних рисков и позволит своевременно включиться в управленческие такими рисками. А усилия, направленные на поддержку и координацию индивидуальных инициатив, могут привести к значительному повышению качества, скорости и уровня осмысленности ситуативного реагирования.

Заключение

Для ответа на новые угрозы и вызовы современным предпринятиям нужны новые инструменты управления риском. В исследовании предполагается, что огромный потенциал по реагированию на кризисы находится в области индивидуальных и коллективных качеств человека. Проведенный с этой точки зрения исторический анализ позволил выделить три основных этических фактора, содействовавших успешному преодолению глобальных кризисов прошлого: кооперация ввиду общих целей, установление и соблюдение единых правил при достижении общих целей, создание благоприятной среды для направленного использования творческого потенциала человека.

Предложенная схема расширения текущей практики управления риском с учетом выявленных факторов позволяет синхронизировать усилия отдельных индивидуумов с общественными задачами сквозь призму организационного риск-менеджмента. Таким образом, этический контекст может не только существенно повысить эффект от деятельности по управлению риском для конкретной организации, но и содействовать достижению общественных целей.

Литература

- Бердяев Н. (2019). *О назначении человека. Опыт парадоксальной этики*. М., Амрита-Русь.
- Декарт Р. (2022). *Рассуждения о методе и другие сочинения*. М., АСТ.
- Моисеев Н. (1990). *Человек и ноосфера*. М., журнал «Экология и жизнь».
- Мун Д., Попета В. (2022). *Предупреждение техногенных катастроф*. Кн. 1: Уроки истории. М., Берлин, Директмедиа Паблишинг.
- Назаретян А. (2001). *Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории*. М., Когито-Центр.
- Олсон М. (1995). *Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп*. М., Фонд экономической инициативы.
- Пригожин И. (2000). *Время, хаос и новые законы природы*. Ижевск, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика».
- Циолковский К. (2001). *Очерки о вселенной*. Калуга, Золотая аллея.
- Ясперс К. (1991). *Смысл и назначение истории*. М., Политиздат.
- Dibble F., Finné M. (2021) Socioenvironmental change as a process: Changing foodways as adaptation to climate change in South Greece from the Late Bronze Age to the Early Iron Age. *Quaternary International*, 597. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.04.024.
- Gilpin W., Feldman M., Aoki K. (2016). An ecocultural model predicts Neanderthal extinction through competition with modern humans. *PNAS Antropology*, 113(8): 2134–2139.
- Haldon J., Eisenberg M., Mordechai L., Izdebski A., White S. (2020). Lessons from the past, policies for the future: Resilience and sustainability in past crises. *Environment Systems and Decisions*, 40: 287–297.
- Holdaway R. (2023). Empirical comparisons between the past 5000 years of European and Eastern Mediterranean history and precipitation as recorded by ice accumulation in the GISP2 (Greenland) ice core. *Oxford Open Climate Change*, 3(1). DOI: 10.1093/oxfclm/kgad007.
- Kaniewski D., Marriner N., Cheddadi R., Fischer P.M. (2020). Climate change and social unrest: A 6,000-year chronicle from the Eastern Mediterranean. *Geophysical Research Letters*, 47(7): e2020GL087496. DOI: 10.1029/2020GL087496.

- Linkov I., Galaitsi S.E., Trump B.D., Pinigina E., Rand K., Cline E.H., Kitsak M. (2024). Are civilizations destined to collapse? Lessons from the Mediterranean Bronze Age. *Global Environmental Change*, 84: 102792.
- Linkov I., Trump B.D. (2019). *The science and practice of resilience. Risk, systems and decisions*. Switzerland, Springer Nature.
- Ostrom E. (2015). *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Park J., Seager T., Rao P.S.C., Convertino M., Linkov I. (2013). Integrating risk and resilience approaches to catastrophe management in engineering systems. *Risk Analysis*, 33(3). DOI: 10.1111/j.1539-6924.2012.01885.x.
- Reid J., Rout M. (2020) Developing sustainability indicators – The need for radical transparency. *Ecological Indicators*, 110: 105941. DOI: 10.1016/j.ecolind.2019.105941.110.
- Roebroeks W., MacDonald K., Scherjon F., Bakels C. (2021). Landscape modification by Last Interglacial Neanderthals. *Science Advances*, 7(51): 5567. DOI: 10.1126/sciadv.abj5567.
- Zhang S., Zhang D., Li J. (2020). Climate change and the pattern of the hot spots of war in Ancient China. *Atmosphere*, 11(4): 378.

References

- Berdyaev N. (2019). *Appointment of a person. Experience of paradoxical ethics*. Moscow, Amrita-Rus'. (In Russ.)
- Dekart R. (2022). *Discourse on the method and other writings*. Moscow, AST. (In Russ.)
- Moiseev N. (1990). *Man and the noosphere*. Moscow, Zhurnal 'Ecology & Life'. (In Russ.)
- Mun D., Popeta V. (2022). *Prevention of man-made disasters*. Book 1: Lessons of history. Moscow, Berlin, Direktmedia Publishing. (In Russ.)
- Nazaretyan A. (2001). *Civilizational crises in the context of Universal History*. Moscow, Kogito-Tsentr. (In Russ.)
- Olson M. (1995). *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Moscow, Economic Initiative Fund. (In Russ.)
- Prigozhin I. (2000). *The end of certainty: Time, chaos, and the new laws of nature*. Izhevsk, Regular and Chaotic Dynamics. (In Russ.)
- Tsiolkovsky K. (2001). *Essays on the Universe*. Kaluga, Zolotaya alleya. (In Russ.)
- Jaspers K. (1991). *The origin and goal of history*. Moscow, Politizdat. (In Russ.)
- Dibble F., Finné M. (2021) Socioenvironmental change as a process: Changing foodways as adaptation to climate change in South Greece from the Late Bronze Age to the Early Iron Age. *Quaternary International*, 597. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.04.024.
- Gilpin W., Feldman M., Aoki K. (2016). An ecocultural model predicts Neanderthal extinction through competition with modern humans. *PNAS Antropology*, 113(8): 2134-2139.
- Haldon J., Eisenberg M., Mordechai L., Izdebski A., White S. (2020). Lessons from the past, policies for the future: Resilience and sustainability in past crises. *Environment Systems and Decisions*, 40: 287-297.
- Holdaway R. (2023). Empirical comparisons between the past 5000 years of European and Eastern Mediterranean history and precipitation as recorded by ice accumulation in the GISP2 (Greenland) ice core. *Oxford Open Climate Change*, 3(1). DOI: 10.1093/oxfclm/kgad007.
- Kaniewski D., Marriner N., Cheddadi R., Fischer P.M. (2020). Climate change and social unrest: A 6,000-year chronicle from the Eastern Mediterranean. *Geophysical Research Letters*, 47(7): e2020GL087496. DOI: 10.1029/2020GL087496.
- Linkov I., Galaitsi S.E., Trump B.D., Pinigina E., Rand K., Cline E.H., Kitsak M. (2024). Are civilizations destined to collapse? Lessons from the Mediterranean Bronze Age. *Global Environmental Change*, 84: 102792.
- Linkov I., Trump B.D. (2019). *The science and practice of resilience. Risk, systems and decisions*. Switzerland, Springer Nature.
- Ostrom E. (2015). *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Park J., Seager T., Rao P.S.C., Convertino M., Linkov I. (2013). Integrating risk and resilience approaches to catastrophe management in engineering systems. *Risk Analysis*, 33(3). DOI: 10.1111/j.1539-6924.2012.01885.x.
- Reid J., Rout M. (2020) Developing sustainability indicators - The need for radical transparency. *Ecological Indicators*, 110: 105941. DOI: 10.1016/j.ecolind.2019.105941.110.
- Roebroeks W., MacDonald K., Scherjon F., Bakels C. (2021). Landscape modification by Last Interglacial Neanderthals. *Science Advances*, 7(51): 5567. DOI: 10.1126/sciadv.abj5567.
- Zhang S., Zhang D., Li J. (2020). Climate change and the pattern of the hot spots of war in Ancient China. *Atmosphere*, 11(4): 378.

Информация об авторе

Лариса Анатольевна Саченко

Кандидат экономических наук, генеральный директор, ООО «Риск-профиль» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-1516-7802.
 Область научных интересов: страхование, управление риском, экономика устойчивого развития.
 sachenko@risk-profile.ru

About the author

Larisa A. Sachenko

Candidate of economic sciences, CEO, 'Risk-profile' LLC (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-1516-7802.

Research interests: insurance, risk management, economics of sustainable development.

sachenko@risk-profile.ru

作者信息

Larisa A. Sachenko

经济学副博士，总经理，Risk-profile 有限公司（莫斯科，俄罗斯）。ORCID: 0000-0002-1516-7802.

科研兴趣领域：保险、风险管理、可持续发展经济。

sachenko@risk-profile.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.24; после рецензирования 18.03.24 принята к публикации 25.03.24. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.02.24; revised on 18.03.24 and accepted for publication on 25.03.24. The author read and approved the final version of the manuscript.

文章于 20.02.24 提交给编辑。文章于 18.03.24 已审稿，之后于 25.03.24 接受发表。作者已经阅读并批准了手稿的最终版本。